

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Косарева Андрея Викторовича
«Прагматистские основания риторического поворота:
историко-философский анализ»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.03 – История философии

Диссертация А.В. Косарева посвящена выявлению роли риторики в современной американской философии и анализу состояния прагматизма как направления американской философии. Актуальность темы диссертации не вызывает сомнений. История так называемых «поворотов», от лингвистического к прагматическому, конкретное содержание риторических техник и связанных с ними философских и научных проблем в обсуждаемых и применяемых в настоящее время моделях рационального мышления – это острые, открытые и дискуссионные вопросы актуальной истории философии. Актуальность диссертации в русскоговорящем пространстве обуславливается положением дел с переводом и изданием на русском языке современной философской литературы: ряд значимых дискуссий обсуждается и интерпретируется на русском языке впервые.

Фундаментальная проблема, исследуемая диссертантом, заключается в непрояснённости предпосылок неориторики и неопрагматизма как «новых» или «обновлённых» форм философствования, то есть таких, которые строятся не на основе «объективистского принципа рациональности», но на основе принципа релятивизма (С. 7). По существу, автор исследует историю развёртывания релятивизма, в третьей главе диссертации проясняя свои интенции при анализе работ Р. Бернстайна (С. 203–204).

Цель представленной работы – показать обусловленность модели коммуникативной рациональности подходами прагматизма и риторики в американской философии. Цель, задачи и выносимые на защиту положения когерентны и не вызывают возражений.

Научная новизна представленного исследования связана с проделанным автором историческим анализом понятий «неориторика», «неопрагматизм», с разъяснением содержания дискуссий в актуальной американской философии, вскрывающим референциал термина «релятивизм» и перечень его легитимных антонимов, с экспликацией предлагаемых в американском прагматизме версий преодоления оппозиции классицизм-релятивизм. Научная новизна не вызывает сомнений.

Диссертация состоит из введения, трёх глав и заключения.

В первой главе «Поворотные точки в социо-гуманитарных науках XX в.» дано определение риторики, сформулирован обзор истории кризиса и возрождения риторики как университетской дисциплины, раскрыто содержание понятия «риторический поворот», сделана попытка соотнести риторику и процедуры научного познания. Следует отметить, что автор, излагая весьма сложный и неоднозначный материал, следует аналитическому канону, формулируя определения для каждого употребляемого термина, стремясь избежать метафоричности

и произвольных аналогий в суждениях. Таковы определения «дискурса», «нарратива», «коммуникативной практики», собственно «риторики» (С. 27–29).

Вторая глава «Прагматистские предпосылки возникновения риторического поворота» предлагает последовательный анализ становления прагматизма от Ч.С. Пирса и У. Джеймса до Ф.К.С. Шиллера, теории речевых актов Дж. Остина и теории риторической ситуации Л.Ф. Битцера.

Провокационно звучит исходный посыл главы, требующий понять прагматизм как форму проявления риторики в XX в. (С. 95). Однако далее автор весьма убедительно показывает разницу между философствованием как способом постановки проблем и философствованием как способом решения проблем (С. 102–104), переходя к истории собственно прагматизма. Следует отметить определение релятивизма (С. 125), внимание к аргументам относительно релятивизма, сформулированным в актуальной отечественной философии (аргументы на С. 123 и контраргументы на С. 135–136).

Третья глава «Неопрагматизм как эволюция прагматизма: развитие коммуникативной и релятивистской проблематики» посвящена изложению концепций Дж. Марголиса и Р. Бернстайна, истории концепта «прагматический поворот». Представленные в этой главе персонажи, за исключением Р. Рорти и Ю. Хабермаса, довольно слабо известны в отечественной философской традиции, поэтому самостоятельная ценность этой главы в том, чтобы побудить переводчиков и издателей обратить внимание на анализируемые здесь тексты. Отметим подробное изложение истории термина «прагматический поворот» (С. 208–217).

Результаты диссертации представляются достоверными, поскольку полагаются на ясной четкой адекватной задачам методологии, на современные исследования и значительный объем первоисточников.

Тем не менее, диссертация не лишена недостатков и вызывает ряд вопросов.

Замечания к первой главе связаны с не всегда критическим отношением автора к излагаемым им историческим моделям, с отсутствием примеров и ссылок на исторические факты. Выделим два замечания, существенных для истории философии как дисциплины.

1. Относительно того, что причиной кризиса риторики как дисциплины в XIX веке стал успех естественнонаучного знания (С. 89), с автором можно согласиться. Однако и сам автор ранее по тексту оговаривает, что риторика трансформируется в литературу (С. 43), так что невозможно не указать на влиятельное рассуждение Ц. Тодорова о том, что риторика заканчивается тогда, когда начинается эстетика. Таким образом, причин как минимум две, их взаимообусловленность в деле кризиса и возрождения риторики – это значимая тема в истории риторики, которая в диссертации не учитывается. Генерализируя это замечание, укажем, что автор игнорирует влияние на историю риторики не только эстетики, но и герменевтики, семиотики. О последней речь идёт только ссылкой на некоторые рассуждения Пирса.

2. Разъясняя используемые термины в начале главы, автор отказывается от этой практики в конце главы. Когда излагаются мысли Р. Рорти о фиаско «единой науки» О. Нейрата (С. 76), не ясно, чем обусловлено это утверждение? Авторитетом Р. Рорти? Пример риторических стратегий, применённых

Ч. Дарвином (С. 83–89), описан вполне убедительно, однако ни этот пример, ни что-либо еще не проясняют, что имеется в виду, когда говорится: «Под риторическим поворотом понимается такое положение дел в науке, которое признаёт, что риторические формы и принципы неизбежно участвуют в формировании реальности» (С. 72). Здесь следует определить понятия «наука» и «реальность», в противном случае эта формулировка может быть интерпретирована либо как абсурд, либо как трюизм.

Замечания по второй главе носят дискуссионный или уточняющий характер и являются вызовом к продолжению работы.

3. В параграфе 2.3 изложена «максима Пирса» и сформулировано содержательное ядро прагматиологии: «Содержание понятий... для людей... проясняется через практические последствия их действий» (С. 138). Этот анализ и разъяснения следует дополнить ссылкой на те новые отрасли философского знания, которые возникают параллельно или под влиянием этой максимы, хотя бы на философию техники П.К. Энгельмейера на общем фоне европейского эмпириокритицизма. Примеры практического осуществления «максимы Пирса» или её альтернативные формулировки были бы чрезвычайно полезны и самому автору.

4. В каком значении на С. 144 использована метафора треугольника в связи с Ч.С. Пирсом? Если речь идёт о «семантическом треугольнике», то в семиотической литературе принято считать, что Пирс – автор «семантического четырёхугольника». Здесь следует уточнить термин.

Третье. Даёт ли кто-либо из подробно исследуемых в диссертации авторов определение понятию «ситуация»? Теория речевых актов чрезвычайно проясняется, когда оказывается определено понятие «акт» или «действие», точно так можно было бы поступить, говоря о «ситуации». С тем чтобы впоследствии сравнить содержание этого понятия у феноменологов, политических социологов, герменевтов, экзистенциалистов и т.д.

5. Некоторые формулировки третьей главы оказались непрозрачными, например: «Марголис настаивает на неэпистемической прагматической легитимации когнитивных способностей» (С. 194). На чём именно настаивает Марголис? В целом же – это вопрос уже не к автору, но к излагаемым им в этой главе доктринам «минимального» и «надёжного реализма», «слабого релятивизма» – определение прагматизма «как отказа от признания когнитивной прозрачности мира» (С. 179), где под когнитивной прозрачностью понимается некоторое соответствие ума и мира в самом общем смысле (С. 180) выглядит весьма слабым и нуждается в пояснении того, каким же тогда образом техника и творчество – мощнейшие темы прагматистской философии XX в. – посредством человеческого ума и рук вмешиваются в реальный мир, изменяя облик и Земли, и самого человека?

В диссертации обобщен и проработан обширный теоретический материал, что не может не вызывать уточняющих вопросов и замечаний. Резюмируя, необходимо отметить, что высказанные замечания и вопросы не отменяют значимости проделанного исследования, представленная критика – это приглашение к научному диалогу, вести который А.В. Косарев, вне всякого сомнения, способен. Отметим, что шиитский ислам, о связи которого с прагматизмом в качестве задела говорит автор диссертации (С. 235) – это, действительно, колоссальное поле для

продолжения прагматистской поисковой научно-исследовательской деятельности. За исследованием А.В. Косарева видна серьезная многолетняя работа. Текст диссертационного сочинения, автореферат, научные публикации, доклады автора на научных семинарах и конференциях позволяют сделать вывод, что его работа представляет собой самостоятельное, завершённое, новаторское исследование прагматистских оснований риторического поворота, выполненное на высоком научном уровне. Впервые приведены результаты, позволяющие квалифицировать их как решение значимой научной задачи истории философии. Работа соответствует квалификационным признакам диссертации, определяющим характер результатов кандидатской диссертационной работы. Полученные автором результаты интересны и убедительны, выводы и заключения обоснованы. Основные результаты диссертации опубликованы в научных изданиях, содержание автореферата соответствует основным идеям и выводам диссертации. В целом, результаты, полученные автором, имеют серьёзное значение для решения проблематики, специфичной для истории философии XX в.

Диссертация Андрея Викторовича Косарева «Прагматистские основания риторического поворота: историко-философский анализ» соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям согласно пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Андрей Викторович Косарев заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – История философии.

Официальный оппонент
заведующий кафедрой философии
ФГАОУ ВО «Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»
(443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34;
+7 (846) 267-47-87; phil@ssau.ru; http://www.ssau.ru/),
доктор философских наук
(09.00.01 – Онтология и теория познания), доцент

Нестеров Александр Юрьевич

17 ноября 2017 г.

Подпись А.Ю. Нестерова удостоверяю

Учёный секретарь
ФГАОУ ВО «Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»,
доктор технических наук, профессор

В. С. Кузьмичёв